

Александр Анатольевич Храмчихин –
заместитель директора Института политического
и военного анализа

Война в Сирии: действующие и потенциальные участники, сценарии и прогнозы

Когда в марте 2011 г. в Сирии начались волнения, они вполне вписывались в контекст «арабской весны». Все ожидали традиционной развязки: быстрого краха режима Асада и демократизации, органично переходящей в исламизацию. Асад, однако, проявил исключительные упорство и психологическую устойчивость, сделав дальнейшее развитие событий совершенно непредсказуемым.

Сирийский президент обеспечил себе поддержку национальных (курды) и религиозных (алавитов, к которым принадлежит сам, и христиан) меньшинств, а также немалой части умеренных суннитов, не приемлющих нарастающий религиозный экстремизм повстанцев. Он сохранил и контроль над армией. Количество дезертиров из нее пока не превысило 20 процентов личного состава. Хотя дезертировали и рядо-

вые, и генералы (последних, как правило, просто покупали), но не было случая перехода целых частей на сторону оппозиции, как это случилось в Ливии сразу после начала восстания. Это однозначно свидетельствует о том, что Асад пользуется поддержкой значительной части населения: дело в том, что в Сирии очень большая и при этом призывная армия. Соответственно она является «срезом общества». И если основная ее часть сохраняет верность режиму, значит, режим противостоит отнюдь не всему населению страны. То есть в стране идет «нормальная» гражданская война, в которой невозможно выявить правых и виноватых. И совершенно неясно, по каким критериям сторонники Асада — «плохие», а повстанцы — «хорошие». Чрезвычайно важно подчеркнуть и то, что морально-психологическая устойчивость призывной армии гораздо выше, чем у на-

Митинг в поддержку Башара Асада в Дамаске

емной, причем чем длительнее и тяжелее война, тем больше проявляется это преимущество призывной армии.

Повезло Асаду еще и в том, что в его распоряжении оказалась огромная армия, рассчитанная на классическую войну против Израиля. К началу гражданской войны ее состав был следующим.

Сухопутные войска насчитывали 220 тысяч человек (3 корпуса, 12 дивизий, 12 бригад). В их составе имелся значительный ракетный потенциал, включавший ракеты «Точка», «Луна» и многочисленные модификации Р-17, более известной как «Скад». Танковый парк Сирии был одним из крупнейших в мире: почти 5 тысяч танков, из которых современных Т-72 от 1,5 до 1,7 тысячи, устаревших — 1 тысяча Т-62 и 2,2-2,3 тысячи Т-55. Другая бронетехника — около 2,5 тысячи советских БМП и 1,5 тысячи старых советских БТРов. Артиллерия — до 500 САУ, более 2 тысяч буксируемых орудий и, видимо, несколько тысяч минометов, до

Сирийский президент обеспечил себе поддержку национальных (курды) и религиозных (алавитов, к которым принадлежит сам, и христиан) меньшинств, а также немалой части умеренных суннитов, не приемлющих нарастающий религиозный экстремизм повстанцев.

500 РСЗО (до 300 «Градов» и до 200 гораздо более примитивных китайских «Туре-63»). Самоходных и переносных ПТРК имелось до 2,6 тысячи (в том числе российские «Корнет»). Ударные вертолеты — 36 Ми-25 и 35 французских SA-342 «Газель». Войсковая ПВО включала около 100 ЗРК «Стрела-1», «Стрела-10» и «Оса», более 4 тысячи ПЗРК «Стрела-2» и «Игла», более 1,2 тысячи ЗСУ и зенитных орудий.

В ВВС Сирии имелось около 500 боевых самолетов, но из них четвертого поколения — только 40 МиГ-29, причем первых модификаций. Было также 20 фронтовых бомбардировщиков Су-24 и 60 МиГ-23БН, 50 штурмовиков Су-22, 200 истребителей МиГ-21 (из них 40 разведчиков), 80 истребителей МиГ-23МЛД, 30 пере-

хватчиков и 8 разведчиков МиГ-25. В качестве боевых могут также использоваться учебные самолеты: 20 МиГ-21У, 6 МиГ-23УМ, 70 L-39. Последние на самом деле широко применяются в качестве штурмовиков.

В войсках ПВО Сирии имелось более 40 ПУ ЗРС С-200, более 300 С-75, 150 С-125, 160 систем «Куб», до 50 единиц установок «Панцирь» и не менее 10 «Бук-М1».

ВМС Сирии являются чисто символическими, упоминания заслуживают лишь 10 ракетных катеров проекта (далее — пр.) 205, которые теоретически могут создать хотя бы какие-то проблемы ВМС противника лишь в непосредственной близости от своих берегов.

Огромные размеры ВС позволяют сирийской армии вести

длительную войну, несмотря на серьезные потери. Так, потери в танках достигли уже, как минимум, 500 единиц. Большинство натовских армий сегодня просто столько не имеют (например, у Великобритании чуть больше 300 танков). А вот для Сирии это лишь немногим более 10 процентов парка. Потеряно не менее 20 самолетов (Су-22, МиГ-21, МиГ-23, L-39), но и это — менее 10 процентов состава ВВС. Большинство ВВС стран НАТО в случае подобных потерь уже полностью утратили бы боеспособность. Впрочем, противоположная сторона тоже может воевать еще очень долго. В первую очередь — за счет внешней поддержки. Конечно, распространенное в России мнение, что против Асада воюют почти исключительно иностранные наемники, — пропагандистский миф. В основном против Асада воюют сирийцы. Но доля иностранцев (включая мусульман — граждан России и стран ЕС) постепенно растет, причем почти 100 процентов иностранцев — радикальные исламисты, то есть идейные бойцы, а никакие не наемники. Поэтому людские ресурсы оппозиции можно считать фактически бесконечными. С оружием тоже нет особых проблем — оно идет из Ливии, где его запасы практически неисчерпаемы и совершенно бесконтрольны, кроме того, на деньги Катара, ОАЭ и Саудовской Аравии оно приобретает в Восточной Европе. Естественно, речь идет об оружии партизанской войны — стрелковом, РПГ, ПТРК, ПЗРК. При этом повстанцев поддерживает немалая часть сирийского населения. Как показывает мировой опыт, в таких условиях воевать можно очень долго. Поэтому многое в этом конфликте зависит от внешних сил, которые все сильнее втягиваются в конфликт.

Наиболее велика и деструктивна роль исламских стран — названных выше «революционной» Ливии и арабских монархий, а также Турции. Совершенно не факт, что они организовали восстание против Асада (для него было достаточно причин в самой Сирии), но эти государства пользуются гражданской войной в Сирии по полной программе, как и вообще плодами «арабской весны». Они целенаправленно финансируют ликвидацию светских арабских режимов и тотальную исламизацию региона. Они же обеспечивают сирийскую оппозицию деньгами, людьми и оружием в любых количествах, что делает бессмысленным какое бы то ни было обсуждение «мирного разрешения» сирийского кризиса. Турки и арабы оплачивают именно силовое решение и при этом демонстрируют крайнее лицемерие, прикрываясь демократической риторикой. Когда в роли «защитников демократии» выступает пещерный ваххабитский режим Саудовской Аравии (в этой стране рабство было официально отменено в 1967 г.) — это даже не смешно.

При этом указанные страны обладают очень серьезным собственным военным потенциалом. Теоретически они могли бы вмешаться в войну на стороне повстанцев.

Турция имеет огромные сухопутные войска — 400 тысяч человек (4 армии, 10 корпусов, 2 дивизии, 51 бригада). Страна недавно приняла на вооружение тактические ракеты В-611, разработанные ею совместно с Китаем. У нее имеется 4,5 тысячи танков, из которых, правда, современных «Леопард-2А4» всего 325. Остальное — устаревшие машины (410 «Леопард-1», 932 М60, 2876 М48). Из другой бронетехники Турция имеет 650 БМП собственного про-

изводства и более 3,6 тысячи БТР (из них 2,8 тысячи — американские М113). Артиллерия — около 1,1 тысячи САУ, около 700 буксируемых орудий, почти 6 тысяч минометов, а также более 100 РСЗО, включая самые мощные в мире — американские MLRS (не менее 12 штук) и китайские WS-2. Самоходных и переносных ПТРК у Турции около 1,4 тысячи, как и у Сирии, есть и российские «Корнет». Имеются «летающие ПТРК», то есть ударные вертолеты: 37 американских АН-1 «Кобра». Войсковая ПВО Турции включает 300 ПЗРК «Стингер» (из них половина — в самоходном варианте) и почти 800 старых ПЗРК «Ред Ай», почти 1,7 тысячи ЗСУ и зенитных орудий.

ВВС Турции имеют более 400 боевых самолетов, из которых 245 (186 модификации С, 59 учебно-боевых модификации D) — машины четвертого поколения F-16 (в основном они произведены по американской лицензии в самой Турции). Есть также 146 старых F-4 «Фантом» (в том числе 32 разведчика) и 95 F-5, большинство из которых используется как учебные.

Наземная ПВО Турции включает более 200 ЗРК «Найк-Геркулес», «Хок» и «Рапира», все они серьезно устарели. Впрочем, для усиления турецкой ПВО на юг этой страны переброшены 6 дивизионов ЗРК большой дальности «Пэтриот» (по 2 дивизиона из состава ВС США, Германии и Голландии).

Лишь на море Турция имеет абсолютное превосходство над Сирией. ВМС Турции имеют 14 немецких ПЛ пр. 209 (6 209/1200, 8 209/1400), 22 фрегата (8 американских типа «Оливер Перри», 8 немецких пр. МЕКО-2000 трех разных модификаций, 6 французских типа «Дэстьен Дор»), 1 ракетный корвет типа «Ада» (всего

будет 8), 27 ракетных и 22 сторожевых катера, 20 тральщиков, 5 десантных кораблей. В ближайшее время поступят на вооружение 6 новейших немецких ПЛ пр. 214. Именно немецкие корабли и подлодки, построенные специально для Турции, являются главной ударной силой ВМС страны. Американские и французские фрегаты – подержанные и довольно устаревшие. Впрочем, учитывая наличие между странами протяженной сухопутной границы, воевать на море им в общем-то незачем.

Турция имеет превосходство над Сирией и в том, чем вообще силен блок НАТО – в средствах связи, разведки (включая БПЛА), системах управления. В целом, однако, силы сторон примерно равны. В войне один на один вряд ли кто-то из них может добиться решительной победы. Не очень понятно, как подействует война на сирийскую армию и общество. Она может поспособствовать краху режима Асада, но может наоборот сплотить общество вокруг него, предсказать это сейчас крайне сложно.

В распоряжении Асада оказалась огромная армия, рассчитанная на классическую войну против Израиля.

22 июня 2012 г. сирийские ПВО уже проверили себя, безнаказанно сбив турецкий RF-4E. 13 мая 2013 г. вблизи сирийской границы упал гораздо более современный F-16C. Подтверждений, что его сбили сирийцы, нет, но подозрения есть.

Турецкой интервенции в Сирии мешают еще и внутренние факторы. Нынешний премьер-министр Турции Эрдоган в течение всего периода своего пребывания у власти методично избавляет свою страну от наследия Ататюрка, в частности – от особой роли армии. В результате известного дела «Эргенекон» (скорее всего, сфабрикованного) верхушка турецких ВС подверглась репрессиям такого масштаба, что сравнить их можно разве что со сталинским разгромом руководства РККА в 1937-1938 гг. Это, мягко говоря, не повысило боеспособность турецких ВС. Кроме того, далеко не все население Турции одобряет политику Эрдогана в от-

ношении Сирии (то есть полную и однозначную поддержку повстанцев). Тем более что страна уже несет очень ощутимый материальный ущерб от пребывания в ее южных районах десятков тысяч сирийских беженцев и боевиков оппозиции. Возможная война между Турцией и Сирией будет очень далека от «высокотехнологичной». Это будет бойня в стиле «Второй мировой с ракетами». Турция – страна демократическая (по крайней мере – пока). Тысяч или, скорее, десятков тысяч гробов турецких солдат и офицеров из Сирии ее граждане Эрдогану однозначно не простят. Собственно никакой интервенции еще нет, а массовые выступления против Эрдогана уже есть, причем одним из лозунгов протестующих является требование прекращения поддержки сирийских повстанцев. Но кроме турецкой армии есть еще арабские армии. Благодаря огромным запасам нефти при достаточно неболь-

шом населении 6 монархий Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Оман, Катар, Бахрейн образуют ССАГПЗ — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива) обладают гигантскими финансовыми резервами, значительная часть которых расходуется на закупку вооружений, в том числе и наиболее современных. Так, на вооружении армий этих стран состоит 558 танков «Абрамс» (340 саудовских, 218 кувейтских), 38 «Челленджеров» (у Омана), 388 «Леклерков» (в ОАЭ), а также 150 М84 (югославский вариант Т-72) у Кувейта, то есть всего 1134 танка третьего поколения. К ним можно добавить еще почти тысячу старых танков (АМХ-30, М-60, ОФ-40) и более 100 легких танков «Скорпион». Имеются 400 БМП «Брэдли» (Саудовская Аравия), 254 «Уорриор» (Кувейт), 557 БМП-3 (142 у Кувейта, 415 у ОАЭ), а также около 450 старых французских АМХ-10Р. БТР насчитывается до 6,5 тысячи, артиллерийских систем — до 2 тысяч, среди которых 9 РСЗО MLRS (у Бахрейна) и 33 «Смерч» (27 у Кувейта, 6 у ОАЭ), более 250 САУ М109 и 100 южноафриканских колесных G-6.

Есть у монархий и ракетный арсенал. Саудовская Аравия имеет на вооружении 30–40 китайских БРСД «Дунфэн-3», Бахрейн — примерно столько же тактических ракет АТАСМС (пусковыми установками для них являются РСЗО MLRS).

Очень значительной боевой мощью обладают ВВС и ПВО стран ССАГПЗ. На их вооружении имеется 62 F-15C, 20 F-15D и 70 F-15S (вариант F-15I) (все саудовские, заказано еще 84 усовершенствованных F-15SA), не менее 31 «Тайфуна» (также саудовские, всего будет закуплено 72), 39 кувейтских F-18 (31 C, 8 D), 78 «Мираж-

2000» (12 у Катара, 64 у ОАЭ), 112 F-16 (17 C и 4 D у Бахрейна, 8 C и 4 D у Омана, 54 E и 25 F у ОАЭ), то есть всего не менее 400 истребителей четвертого поколения. Следует отметить, что F-16E/F BVC ОАЭ является наиболее современной модификацией этого истребителя, такой нет даже у самих США. Кроме того, у Саудовской Аравии имеется на вооружении 84 не очень новых, но вполне боеспособных бомбардировщика «Торнадо» IDS. Эта страна, а также Бахрейн имеют на вооружении суммарно около 40 старых истребителей F-5, а Оман — 24 штурмовика «Ягуар». Можно также отметить наличие у Саудовской Аравии 5 самолетов ДРЛО Е-3А. На вооружении стран ССАГПЗ состоит 42 ударных вертолета «Апач» (30 у ОАЭ, 12 у Саудовской Аравии) и до 50 более старых «Газелей» и «Кобр». На вооружении наземной ПВО имеются ЗРС «Пэтриот» (Саудовская Аравия), ЗРПК «Панцирь-С1» (ОАЭ), а также более старые «Усовершенствованный Хок», «Роланд» и др. Кроме того, ОАЭ станут первыми покупателями новейшей американской системы ПРО THAAD.

ВМС стран ССАГПЗ включают 10 фрегатов (в том числе 1 американский типа «Оливер Перри» у Бахрейна, 3 французских типа «Лафайет» у Саудовской Аравии, 2 голландских типа «Кортенаэр» у ОАЭ), 10 ракетных корветов, 42 ракетных катера, 9 тральщиков, до 50 десантных кораблей и катеров. Фрегаты, корветы и катера вооружены ПКР «Гарпун» и «Экзосет». Большим недостатком монархических флотов является отсутствие подлодок и слабость минно-тральных сил. Впрочем, если война будет вестись только против Сирии, размеры флотов значения не имеют.

Самая слабая сторона монархических армий — личный со-

став. Дело даже не в том, что у арабов традиционно невысокий уровень боевой подготовки (в конце концов, сирийцы — тоже арабы). Гораздо важнее то, что у всех шести монархий армии исключительно наемные, крайне чувствительные к потерям. Они могут успешно вести короткую наступательную войну, но неизбежно развалится, если она перейдет в затяжную с тяжелыми наземными боями. Их солдаты шли в армию за деньгами и престижем, а не для того, чтобы попасть под залп «Града» под Дамаском. События 1990–1991 гг. полностью подтвердили, что наемные армии монархий против массовой призывной республиканской армии (тогда — иракской) самостоятельно воевать неспособны (не говоря уж о том, что у монархий практически нет мобилизационных резервов). Именно это и является главным сдерживающим фактором для Эр-Рияда, Дохи и др. для прямого вмешательства в сирийскую войну.

Впрочем, в войну может быть втянута седьмая монархия, которая тоже недавно была принята в ССАГПЗ — Иордания. Собственно без ее участия в любом случае не обойтись, поскольку только она граничит с Сирией. Амман долго пытался соблюдать нейтралитет, но постепенно втянулся в процесс удушения Асада.

Иорданская армия также наемная, но здесь особый случай: ее основу составляют черкесы (выходцы с Северного Кавказа), для которых воинская служба — традиционное занятие, а не только способ зарабатывания денег. Поэтому их боевые качества достаточно высоки.

На вооружении сухопутных войск Иордании имеется примерно 400 современных британских танков «Челленджер-1», 364 более старых «Чифтенов» (местное название — «Аль Халид»), более 200 совсем ста-

Сирийские повстанцы

рых «Центурионов» (местное название — «Тарик», они постепенно переделываются в БМП), а также около 300 старых американских М60. Имеется примерно 2,5 тысячи БМП и БТР, 460 САУ, несколько десятков буксируемых орудий и около 90 РСЗО, в том числе 12 новейших американских HIMARS и 24 китайских WM-120 с дальностью стрельбы до 120 км. Войсковая ПВО Иордании практически полностью советско-российского происхождения: по 50 ЗРК «Оса» и «Стрела-10», 48 ЗСУ «Шилка», до 600 ПЗРК «Игла» и «Стрела-3».

На вооружении ВВС имеются 62 относительно новых F-16 (44 модификации А, 18 учебно-боевых модификации В), 48 старых F-5 (41 Е, 7 F), на хранении, кроме того, находятся 33 старых «Миража-F1», которые, впрочем, в ближайшее время, видимо, будут проданы. Есть также 29 ударных вертолетов АН-1 «Кобра».

Противоположная сторона тоже может воевать еще очень долго. В первую очередь — за счет внешней поддержки. Конечно, распространенное в России мнение, что против Асада воюют почти исключительно иностранные наемники, — пропагандистский миф. В основном против Асада воюют сирийцы.

Главным козырем арабов можно было бы считать Египет, который после прихода к власти «брата-мусульманина» Мурси естественным образом попал в полную зависимость от монархий.

Полумиллионные сухопутные войска Египта включают 12 дивизий и 25 бригад. На вооружении до 200 пусковых установок баллистических ракет (включая северокорейские «Нодоны» с дальностью полета более 1,3 тысячи км.), 4 тысячи танков (1087 «Абрамс» M1A1, 1,7 тысячи старых американских М60 и примерно 1,2 тысячи старых советских Т-62 и Т-55), до 8 тысяч БМП и БТР, около 900 САУ, примерно 2,3 тысячи буксируемых орудий, до 10 тысяч миноме-

тов, до 1,8 тысячи РСЗО, до 3 тысяч зенитных орудий. Значительная часть этой техники устарела, но при таком ее количестве это уже не имеет особого значения.

На вооружении ВВС 232 истребителя четвертого поколения — 213 F-16 (26 А, 7 В, 136 С, 44 D) и 19 «Мираж-2000» (в том числе 4 учебно-боевых). Имеется также не менее 200 старых истребителей («Мираж-5», F-4, МиГ-21/J-7), 47 легких штурмовиков L-59, 120 ударных вертолетов (36 АН-64D «Апач», 84 SA342 «Газель»). Наземная ПВО включает более 700 пусковых установок ЗРК «Кроталь», «Чапэрэл», «Квадрат», С-75 и С-125, а также свыше 1,5 тысячи ЗСУ и зенитных орудий.

Турки и арабы оплачивают именно силовое решение и при этом демонстрируют крайнее лицемерие, прикрываясь демократической риторикой. Когда в роли «защитников демократии» выступает пещерный ваххабитский режим Саудовской Аравии (в этой стране рабство было официально отменено в 1967 г.) – это даже не смешно.

ВМС Египта имеют в своем составе 4 китайских ПЛ пр. 033, 10 фрегатов (4 американских типа «Оливер Перри» и 2 типа «Нокс», 2 испанских типа «Дескубьерта», 2 китайских пр. 053), 20 ракетных катеров (9 советских пр. 205, 5 немецких пр. 148, 6 собственных типа «Рамадан»), 18 сторожевых катеров, 21 тральщик, 12 малых десантных кораблей. Что особенно важно, египетская армия является призывной, то есть устойчивой к потерям. Вопрос был только в том, насколько египетские солдаты и офицеры захотят воевать против сирийцев – своих традиционных союзников в борьбе с Израилем. После того как эта самая армия свергла Мурси, ее использование в Сирии в роли пушечного мяса для монархий становится в высшей степени проблематичным. Причем есть сильнейшее подозрение, что главной причиной сверже-

ния президента-исламиста стало именно то, что египетские генералы не имеют желания отправляться со своими войсками в Сирию. Однако это отнюдь не означает, что вопрос использования ВС Египта в Сирии снят с повестки дня. Замены им в роли главной ударной силы, по сути, нет, а допустить победу Асада арабо-турецко-западная коалиция не готова. Поэтому по-настоящему из-за свержения Мурси расстроился лишь Катар. «Старшие товарищи» (Саудовская Аравия и ОАЭ) считают эту страну (точнее, семью катарского эмира) наглой выскочкой, которую надо постепенно поставить на место. С новыми властями Египта будет теперь работать не Доха – этим займются Эр-Рияд и Абу-Даби. Экономика Египта находится в катастрофическом состоянии, спасти ее будут Саудовская Аравия и ОАЭ пу-

тем оказания Каиру много-миллиардной помощи. Предположить, что эта помощь оказывается из альтруистических соображений, довольно сложно. Есть сильнейшие подозрения, что египетских военных попросят-таки в обмен на помощь оказать необходимые услуги на сирийском фронте. Возможно, за это дополнительно хорошо «подкормят» уже и непосредственно самих генералов. Если последние все же откажутся, ситуация может коренным образом измениться и монархии начнут превращать Египет во вторую Сирию. Это даже проще, чем в самой Сирии, ибо «братья-мусульмане» и тем более салафиты (ваххабиты) хоть сейчас готовы развязать в стране гражданскую войну.

Впрочем, если дело дойдет до арабо-турецкой интервенции в Сирию, на стороне Дамаска с вероятностью, близкой к 100 процентам, выступит Иран. Алавитское меньшинство Сирии, к которому принадлежат Асад и большинство его соратников, очень близко к шиитам, поэтому шиитский Иран видит в них естественных союзников. Кроме того, союз Тегерана и Дамаска лишь укрепился, после того как на стороне оппозиции выступили главные конкуренты Ирана за господство на Ближнем и Среднем Востоке – Саудовская Аравия и Турция. Поэтому Тегеран оказывает прямую поддержку Асаду, поставляя ему оружие, направляя воевать на его стороне бойцов Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и подконтрольной Ирану ливанской шиитской группировки Хезболла. Если дело дойдет до большой войны, Иран просто не сможет избежать участия в ней на стороне Сирии. На вооружении сухопутных войск Ирана (включая КСИР) состоят примерно 1,7 тысячи

танков, около 700 БМП, более 600 БТР, до 2,4 тысячи артиллерийских орудий (в том числе более 300 САУ), до 5 тысяч минометов, по 900 РСЗО и ПТРК, более 2 тысяч зенитных орудий, более 200 вертолетов. Наиболее боеспособными танками являются 480 Т-72, а также около 200 английских «Чифтенгов». Частично соответствуют современным требованиям 413 российских БМП-2, 180 американских САУ М-109, 15 китайских 155-миллиметровых буксируемых орудий «Туре-88», 100 РСЗО БМ-21 «Град» и 700 китайских «Туре-63», более 100 ЗСУ «Шилка». Основным ударным вертолетом остается американская АН-1 «Кобра» (от 25 до 50 по различным данным).

В ВВС наиболее серьезной силой являются 30 фронтовых бомбардировщиков Су-24 и 35 истребителей МиГ-29, а также 44 американских истребителя F-14. Кроме того, имеются от 120 до 200 старых американских F-4 и F-5 и китайских J-7 (ухудшенный вариант МиГ-21), а также около 90 советских Су-20/22, Су-25, МиГ-23 и французских «Мираж-F1». Из этого замечательного разнообразия скорее всего не более 100 машин сохранили боеспособность, но и они современным требованиям не отвечают (за исключением, может быть, Су-25, но их число не превышает 13). Кроме того, видимо, имеется два-три десятка истребителей «Саега», созданных в самом Иране на базе F-5, но их боеспособность крайне сомнительна.

Наземная ПВО включает 30 английских ЗРК «Рапира» и 15 «Тайгеркэт», 45 советских С-75 и 10 С-200, 150 американских установок «Усовершенствованный Хок» (везде речь идет о количестве пусковых установок), а также 29 российских «Торов». Новейшие ЗРК «Тор»

имеют очень маленькую дальность стрельбы (12 км.), к тому же 29 — просто слишком мало. Все остальные средства ПВО сильно устарели, а американские и английские ЗРК к тому же не имеют запчастей.

Что касается пресловутой ракетной программы Ирана, то БРСД у него, по-видимому, тоже примерно 30–40, зато ОТР и ТР — сотни, если не тысячи. Из-за низкой точности их сложно использовать против войск противника, зато очень просто — против городов и нефтяной инфраструктуры, чем можно нанести арабским монархиям гигантский материальный ущерб.

ВМС включают 3 ПЛ российской постройки пр. 877, не менее 20 малых ПЛ собственной и северокорейской постройки, 5 фрегатов (3 английской постройки 70-х гг. и 2, построенных по схожему проекту в самом Иране два года назад, из коих, впрочем, один находится на Каспии, поэтому исключен из игры), 3 старых корвета, 10 ракетных катеров французской постройки 70-х гг., 4 катера, построенных по аналогичному проекту в самом Иране в последние 8 лет (они также находятся на Каспии), 10 ракетных катеров китайской постройки, а также несколько сотен сторожевых катеров. Все надводные корабли и ракетные катера (в том числе западной постройки) вооружены китайскими ПКР С-802 и их иранскими копиями «Нур» (именно такой ракетой в 2006 г. боевики Хезболлы нанесли серьезные повреждения новейшему израильскому корвету «Ханит»). На большинстве сторожевых катеров установлены либо малогабаритные китайские ПКР С-701, либо РСЗО БМ-21 «Град», либо разные ПТРК. Имеется также 7 тральщиков и до 20 десантных кораблей и катеров. Кроме того, у Ирана есть значительное количество

береговых ПКР (в основном это те же С-802 и «Нур»).

Главное преимущество Ирана — в людях. Речь идет не только о численности людских ресурсов вообще (они у Ирана в 3–4 раза больше, чем у всего ССАГПЗ), но и о психологической составляющей. У Ирана ВС призывные, массовые, идеологически мотивированные. Кроме того, у Ирана есть значительная «пятая колонна», состоящая из арабов-шиитов. Они составляют до 20 процентов населения Саудовской Аравии (причем сосредоточены на северо-востоке страны, то есть близко к Ирану) и 75 процентов населения Бахрейна, где они уже не раз демонстрировали готовность к восстанию.

На стороне сирийско-иранской коалиции окажется и Ирак. В этой стране 60 процентов населения составляют шииты, а еще 20 процентов — курды, которые уже создали на севере страны де-факто независимое государство. Суннит Саддам Хусейн весь период своего правления подавлял шиитское большинство и курдов, сдерживая Иран. После того как американцы свергли Хусейна и ввели в Ираке демократию, страна естественным образом начала дрейф в сторону Ирана. По новой конституции Ирака президентом (имеющим весьма ограниченные полномочия) является курд, который (этого человека сегодня зовут Джаляль Талабани) в меру своих полномочий укрепляет фактическую независимость Курдистана от той страны, которой как бы руководит. Основные же властные полномочия по конституции имеет премьер-министр шиит. Сегодня это Нури аль-Малики, который еще при «живых американцах» начал ездить за «ярлыком на княжение» в Тегеран. После ухода американских войск Ирак стал мостом, по которому из Ира-

Король Иордании Абдалла II

В войну может быть втянута недавно принятая в ССАГПЗ Иордания. Собственно без ее участия в любом случае не обойтись, поскольку только она граничит с Сирией. Амман долго пытался соблюдать нейтралитет, но постепенно втянулся в процесс удушения Асада.

на перебрасываются в Сирию оружие и бойцы КСИР (протесты Вашингтона Багдад игнорирует). В то же время суннитские боевики наряду с саудитами составляют большинство иностранцев, сражающихся на стороне сирийской оппозиции. В случае большой войны шииты и курды Ирака поддержат иранско-сирийскую коалицию, сунниты — турецко-арабскую. При этом военный потенциал Ирака весьма ограничен — 77 танков Т-72, 140 «Абрамсов», около 2 тысяч БТР. Боевых самолетов пока нет вообще, хотя ожидается поставка 48 F-16. Очевидно, этот потенциал в основном достанется коалиции Ирана и Сирии.

Таким образом, возможна грандиозная война с совершенно непредсказуемым исходом, в которой с одной стороны будут 7 монархий из

ССАГПЗ, Турция, сирийские повстанцы и иракские сунниты (сюда можно было бы добавить и Египет, но сейчас вероятность его участия низка), с другой — сирийские правительственные войска, Иран, Хезболла, курды и иракские шииты.

Впрочем, в конфликте уже активно участвуют и другие игроки.

Израиль долгое время уклонялся от вмешательства в сирийскую гражданскую войну, поскольку она ему очень выгодна: как Асад, так и оппозиция — враги Израиля. Тем не менее желание ослабить сирийскую армию и Хезболлу заставили его втянуться в конфликт, что еще более осложнило ситуацию и дало отлич-

ные козыри Асаду. Не исключено, что сирийский лидер всерьез начинает рассматривать вариант удара по Израилу, если тот еще раз нанесет удар по Сирии. Подобный ход для Асада, вроде бы, кажется откровенным безумием. Даже в лучшие годы Сирия не имела шансов победить Израиль, теперь же страна и армия истерзаны гражданской войной. Но на самом деле военное поражение может стать для Дамаска политической победой. Ведь если Сирия и Израиль оказываются в состоянии войны, то сирийская оппозиция и ее турецко-арабские спонсоры автоматически становятся «пособниками сионистов». Собственно уже сейчас часть оппозиции выразила протест против израильских ударов. Если же между Дамаском и Тель-Авивом начнется полномасштабная война, по-

встанцы и их спонсоры окажутся перед тяжелейшим политическим выбором.

При этом Тель-Авив откровенно заврался насчет поставок российского оружия, которое якобы «может попасть в руки террористов». ЗРС С-300, ЗРК «Бук», береговой ПКРК «Бастин» — сложнейшие системы, состоящие из множества многотонных многометровых боевых машин. Причем в любой из этих систем пусковые установки ракет сами по себе, без РЛС и пунктов управления, не имеют никакой боевой ценности. «Террористы» (под которыми подразумеваются боевики Хезболлы) не способны хотя бы просто спрятать эти системы, тем более — их освоить, обслужить и применить. Новые средства ПВО создают проблемы Израилу, лишь находясь в руках регулярной армии Сирии, именно это Тель-Авив и не устраивает.

Описывать военный потенциал Израиля нет смысла — он в любом случае выиграет войну. Но для него победа будет означать всего лишь сохранение статус-кво, он же не может захватить Сирию (поскольку тогда все сирийское население начнет воевать против него, чего израильская армия чисто физически не выдержит из-за ограниченности ресурсов). При этом, как было сказано выше, если в войну против Сирии и, возможно, Ирана втягивается Израиль, то для Турции, монархий и Египта возникает ситуация тяжелейшего выбора. Очевидно лишь, что воевать плечом к плечу с «сионистами» они заведомо не могут.

Вообще поведение Израиля относительно сирийского конфликта можно объяснить только тяжелой антииранской паранойей, которой охвачено почти все израильское общество. Чем иранцы для Израиля хуже саудовских

ваххабитов или египетских «братьев-мусульман» — понятие совершенно невозможно. Неужели только тем, что саудовцы и египтяне числятся в друзьях США? Видимо, коллективные психозы малых наций требуют большого отдельного исследования.

К сожалению, большим нациям коллективные психозы тоже свойственны, о чем свидетельствует массовая антизападная паранойя, охватившая Россию. Западу приписывается организация абсолютно всех революций и даже уже стихийных бедствий. То, что революции, не говоря уж о стихийных бедствиях, случались в эпохи, когда Запада в его нынешнем понимании просто не было, теперь в рассмотрение не принимается. Общероссийской паранойе способствуют — кроме целенаправленной официальной пропаганды — катастрофическое падение уровня науки и образования, а также то, что единственной настоящей религией почти для всех россиян стали деньги. Поэтому они судят обо всех по себе и везде ищут экономическую подоплеку.

В частности, почти аксиомой считается утверждение, что Запад всегда воюет за нефть. Но складывается сильное впечатление, что многочисленные адепты данной теории не понимают, о чем говорят.

В югославской и афганской войнах (как, кстати, и в нынешней сирийской) нефтяную подоплеку невозможно найти даже при очень большом напряжении. Что касается иракской войны, то возникает вопрос: что понимается под фразой: «США захватили иракскую нефть»? Они бесплатно ее качают из иракских недр и увозят за океан? Видимо, не нужно специально объяснять, что ни малейшего отношения к жизни этот сценарий не имеет.

На самом деле вся иракская нефть принадлежит иракскому государству, которое его и продает. Иностранные компании, добывающие ее, лишь получают премию за добычу. При этом из полутора десятков иностранных компаний, добывающих иракскую нефть, американских всего две (как, кстати, и российских). И приходится на них всего 20 процентов добычи. Разумеется, всю нефть США покупают в Ираке за деньги, без всяких скидок. В американском нефтяном импорте Ирак составляет менее 5 процентов, в иракском нефтяном экспорте доля США составляет менее 25 процентов. То есть не только Ирак для США, но даже и США для Ирака не имеют никакой «нефтяной эксклюзивности». Гораздо больше иракской нефти идет в Китай. При этом США потратили на иракскую войну более 800 миллиардов долларов. При цене 100 долларов за баррель на эти деньги можно было бы купить более миллиарда тонн иракской нефти. В реальности за постсаддамовский период США купили в Ираке менее 200 миллионов тонн нефти. То есть с учетом затрат на войну цена иракской нефти для американцев оказалась в 7–10 раз выше рыночной! В связи с этим надо отметить, что с 1996 г. режиму Хусейна, несмотря на санкции, было разрешено продавать нефть. За 1996–2002 гг. он продал в США примерно 150 миллионов тонн нефти по обычным рыночным ценам, но без расходов на оккупацию. То есть американцам на порядок выгоднее было бы не трогать Хусейна, чем захватывать и удерживать Ирак. Заметим, кстати, что и в политическом смысле никакой американской марионеткой Ирак не стал. На его территории не осталось ни одной американской военной базы, более того, как было показано

выше, он фактически превратился в важнейшего союзника Ирана в регионе.

Аналогичная ситуация и с Ливией. Не менее 85 процентов нефти, добываемой в Ливии до начала войны, шли на экспорт. 77 процентов ливийского нефтяного экспорта приходилось на Европу и 6 процентов — на США. Причем и добывалась нефть главным образом западными компаниями. Соответственно «захват нефти» не имел для Запада ни малейшего смысла, она и так шла на Запад. После войны с этой точки зрения не изменилось абсолютно ничего. За тем исключением, что на время войны поставки нефти из Ливии прекратились, при этом на военную кампанию Запад истратил (по сути — просто выбросил) огромные деньги.

Вообще «захватывать нефть», неся при этом огромные военные расходы, бессмысленно просто потому, что главная цель нефтедобывающих стран — как можно больше этой нефти сбыть, причем лучше всего — именно на Запад. Поэтому вся нефтяная версия действий Запада является не более чем параноидальным бредом. То, что за всеми революциями стоит Запад, — вопрос тоже интересный. В частности, хотелось бы понять, какую конкретную выгоду (политическую, экономическую, военную) он извлек из «цветных революций» в странах СНГ? На самом деле — ни малейшей. Чистейший ноль по всем направлениям. Кстати, на сегодняшний день во всех «революционных» странах все «завоевания революции» полностью утрачены, причем без малейшего сопротивления со стороны Запада.

К «арабской весне» это относится в гораздо большей степени. Совершенно невозможно понять, какую практическую выгоду из нее извлек (или хотя

Асад и бывший президент Ирана Ахмадинежад

Если дело дойдет до арабо-турецкой интервенции в Сирию, на стороне Дамаска с вероятностью, близкой к 100 процентам, выступит Иран. Алавитское меньшинство Сирии, к которому принадлежат Асад и большинство его соратников, очень близко к шиитам, поэтому шиитский Иран видит в них естественных союзников.

бы хотел извлечь) Запад, а вот проблем получил гигантское количество.

У нас не осознают, насколько велика в действиях Запада идеологическая составляющая и до какой степени он ослабел в военном смысле. Сочетание этих факторов загоняет Запад в ловушку. Запад провозгласил себя защитником свободы и демократии во всем мире, что заставляет его становиться участником различных конфликтов за пределами евро-атлантического региона. Причем это происходит под давлением общественного мнения, которое требует вмешательства в конфликты с целью защиты свободы и демократии. Однако это же общественное мнение совершенно не готово к тому, чтобы собственные армии несли в этих конфликтах сколько-нибудь серьезные потери. Это порождает глубокое внутреннее противоречие и усиливает двойные стандарты в полити-

ке западных стран, поскольку сокращение военных возможностей все более ограничивает возможность реального вмешательства в конфликты. Соответственно массированные пропагандистские кампании, которые регулярно разворачивает Запад против режимов, которые в данный момент он посчитал «неправильными», в огромной степени объясняются как раз уменьшением военной мощи. Пропагандистская кампания призвана компенсировать военную слабость, подавив волю противника к сопротивлению. Применительно к Сирии Запад стал заложником своей кампании против «диктатора, стреляющего в собственный народ и утратившего легитимность». Если диктатор на самом деле стреляет в собственный народ, он и недели не продержится, как это было в Румынии в декабре 1989 г. Там, кстати, призывная армия полностью поддержала народ и

быстро снесла диктатора. Как было показано выше, в Сирии ситуация принципиально другая. На Западе кое-кто это уже даже понял. Не могут там не видеть и стремительной исламизации оппозиции — из-за чего оказываются во все более идиотском положении. Но признать собственные ошибки Запад принципиально не способен. И тем более не способен отказаться от идеологических догм.

Вообще становится окончательно ясно, что чем выше в стране уровень жизни, тем меньше у ее населения желания воевать, причем совершенно независимо от целей войны. Этот эффект действует как на демократическом Западе, так и в тоталитарных арабских монархиях. Соответственно в очередной раз полностью подтверждается, что «профессиональные армии» для войны принципиально не подходят, если война грозит сколько-нибудь заметными потерями. Кстати, будь у Асада «профессиональная» армия, его бы свергли еще два года назад. Но на его счастье армия в Сирии призывная. Кроме того, в высшей степени сомнительной оказывается вся концепция современной высокотехнологичной войны, которая после «Бури в пустыне» казалась почти аксиомой, которой надо слепо следовать и не рассуждать.

В 1991 г. во время «Бури в пустыне» высокоточными боеприпасами уничтожались лишь приоритетные цели, что обеспечило очень высокую эффективность действий антииракской коалиции. В ходе войны в Ливии в борьбе против исключительно слабой армии Каддафи применялись также лишь высокоточные боеприпасы, что привело к истощению арсеналов ВВС европейских стран и очень высоким расходам, при этом был достигнут весьма огра-

ниченный результат. Хотя высокоточные боеприпасы рассматриваются как олицетворение высокой эффективности современных армий, натовский способ ведения войн оказывается экстенсивным и крайне затратным с экономической точки зрения.

Поскольку США практически самоустранились от ливийской кампании, «выкладываться» пришлось европейцам. В итоге большая их часть вообще отказалась воевать. Те, которые воевали «по полной программе», очень быстро продемонстрировали, что просто не имеют для этого ресурсов. Норвегия и Дания вышли из операции через 3–4 месяца после ее начала, поскольку полностью израсходовали боеприпасы. Еще 2–3 месяца — и то же самое произошло бы с Великобританией и Францией (после окончания войны это было признано открыто). И тогда ливийская кампания завершилась бы для не оказывавшего никакого сопротивления европейской авиации Каддафи тем, что описал Владимир Высоцкий в «Песне о сентиментальном боксере»: «Вот он ударил раз, два, три — и сам лишился сил. Мне руку поднял рефери, которой я не бил». Потому Парижу и Лондону пришлось провести срочную спецоперацию по перекупке некоторых племенных вождей, воевавших на стороне Каддафи. Это, разумеется, эффективно, но совсем не относится к высокотехнологичным войнам.

Изначально в высшей степени здравая идея высокоточности была за весьма короткий срок доведена до абсурда, в результате чего естественным образом превратилась в свою противоположность. Когда ПТУР, стоящий несколько сотен или тысяч долларов, поражает танк, стоящий несколько сот тысяч или миллионов долларов, — это нормально и эф-

фективно. Когда «Томагавк», стоящий миллион долларов, поражает стратегический объект, стоящий сотни миллионов или даже миллиарды долларов, — это тоже нормально и эффективно. А вот когда «Мейверик» последней модификации, стоящий больше ста тысяч долларов, поражает танк Т-55, за который сейчас дадут в лучшем случае столько же, — это уже ненормально и неэффективно. Вдвойне ненормально, если этому «навороченному» «Мейверiku» нет никакой более дешевой альтернативы.

Успешное применение высокоточных боеприпасов в первой войне с Ираком в совокупности с крахом Варшавского договора и СССР породили на Западе иллюзию, что теперь можно резко сократить число носителей (в первую очередь таковыми, естественно, являются самолеты). Ведь поскольку боеприпасы теперь высокоточные, то, вроде бы, применением гораздо меньшего числа носителей можно обеспечить поражение прежнего количества целей. В итоге носителей стало так мало, что и целей можно поразить совсем немного — даже при выполнении условия стопроцентной эффективности боеприпасов (которое в реальном бою выполнено быть не может практически никогда). При этом цена носителей резко возросла как в прямом смысле (из-за технической сложности), так и в переносном (из-за малого их количества). В результате если еще 20 лет назад потеря истребителя была лишь статистическим фактом, сегодня для подавляющего большинства стран НАТО она превращается почти в катастрофу. Поэтому воевать стало можно лишь против стран, имеющих крайне слабую ПВО, либо вообще не имеющих таковой. Но абсурд зашел еще дальше, по-

скольку и боеприпасы, которые по определению являются расходным материалом, стали слишком дороги. В некоторых случаях, как было сказано выше, их цена оказывается сопоставима с ценой цели. А из-за этой самой дороговизны боеприпасов производится меньше, чем имеется потенциальных целей для них.

Сирийская армия — архаичная, но очень большая, с мощной, хотя в значительной степени устаревшей, ПВО — теперь НАТО просто не по зубам. Хотя всего два десятилетия назад почти точно такую же по количеству и качеству вооружений армию Ирака организация НАТО, включавшая тогда не 28, как сегодня, а лишь 16 стран, разгромила с блеском, быстро и очень незначительными потерями. У европейских ВВС сегодня просто не хватит боеприпасов на выбивание чрезвычайно многочисленной сирийской техники. А учитывая наличие у Сирии (в отличие от Ливии) дееспособной ПВО, которая может еще и сбивать носители этих боеприпасов (самолеты), для европейцев интервенция становится принципиально невозможной. США, безусловно, могли бы задавить Сирию массой ракет и самолетов, но это обошлось бы в несколько миллиардов (если не десятков миллиардов) незапланированных долларов и даже в их огромных арсеналах пробило бы заметную брешь, которую потом пришлось бы заделывать годами. К тому же почти наверняка имели бы место потери в самолетах, не столь катастрофические, как для европейцев, но также крайне нежелательные. Причем все эти рассуждения относятся к ситуации, когда у Сирии еще нет С-300П. Если таковая появится, то цена воздушной кампании возрастает еще в разы, что де-

Премьер-министр Ирака аль-Малики

На стороне сирийско-иранской коалиции окажется и Ирак. В этой стране 60 процентов населения составляют шииты, а еще 20 процентов – курды, которые уже создали на севере страны де-факто независимое государство.

лает ее окончательно бессмысленной.

Сочетание пацифизма и гедонизма населения и идейного догматизма властей будет загонять Запад и дальше в тупик (особенно это касается Европы, у США еще есть шанс одуматься). Гитлеровская Германия и коммунистический СССР во имя идеологических догм совершили массу откровенно самоубийственных действий, в результате которых успешно самоубились. Видимо, Европа повторит их путь. Либеральная догма здесь победила не только экономику, но и просто здравый смысл.

Китай автоматически зачисляется в сторонники Асада на том единственном основании, что в Совбезе ООН по данному вопросу он голосует так же, как и Россия. Правда, по ливийскому вопросу в 2011 г. он тоже голосовал, как Россия, – воздержался. В одиночку противостоять Западу он не собирается именно потому, что никакими идеологическими догмами не руководствуется, он идеально прагматичен. Поэтому в сирийской проблеме он на самом деле

не участвует никак, даже на уровне риторики. Более того, уже неоднократно отмечено наличие у сирийских повстанцев новейшего китайского вооружения – ПТРК HJ-8 и ПЗРК FN-6. Это не старье, которого в мире полно и которое может попасть в Сирию любым путем, а именно новейшее эксклюзивное оружие. Как и почему оно оказалось у боевиков оппозиции – вопрос интереснейший.

Что будет дальше – предсказать крайне сложно. Арабы, турки и Запад никак не могут

допустить победы Асада. Но и воевать они не готовы, если в войне не примут участия США. Обама не хочет воевать категорически (не видеть этого могут лишь параноики) – как из финансовых соображений (он не готов тратить непредвиденные сотни миллиардов долларов), так и из личностных (по американским меркам он откровенный пацифист). Однако и давление на него очень велико. И изнутри – со стороны пещерных республиканцев типа сенатора Маккейна. И извне – со стороны тех же турок, арабов и европейцев во главе с главными провокаторами французами. Если Обама сломается, то придется вспомнить, что Армагеддон находится именно в тех местах...

Для России сирийские события позволяют извлечь целый ряд уроков в политической и военной областях и сделать несколько важнейших выводов.

События последних лет ясно показали, каким откровенным бредом является столь популярная в России концепция «небольшой профессио-

нальной армии». На самом деле подобная армия не будет способна вести вообще никакую войну, даже с Грузией. Увы, сегодня наша армия уже стала пугающе небольшой (хотя, к счастью, еще не совсем «профессиональной»), причем мы до сих пор не знаем, кто решил ее такой сделать и какими соображениями и критериями при этом руководствовался. Техника для нее теперь приобретается в характерных для западных армий микроскопических количествах, уже объявлено, что боеприпасы теперь будут исключительно высокоточными (при этом в реальности их почти нет). И это еще к тому же сопровождается нарастающими либеральными стенами о необходимости немедленного значительного урезания «непомерных аппетитов» военных.

Проблема, к сожалению, в полной неспособности нашей военной науки не только создать свои концепции военного строительства, но хотя бы творчески осмыслить иностранные. Есть лишь некая рефлекторная реакция на внешние события, на которую накладываются сильнейшие стереотипы и психологические комплексы советского происхождения.

У нас очень боятся агрессии НАТО, не видя, что с альянсом происходит на самом деле. И при этом, видимо, для удобства НАТО сокращают до минимума количество целей, которые натовцам надо будет поразить в ходе этой самой гипотетической агрессии. И слепо копируют натовскую концепцию, применимость которой становится весьма сомнительной для самого блока НАТО, а для нас она еще сомнительнее просто потому, что Россия – не НАТО, мы находимся в других геополитических условиях, перед нашими ВС стоят совершенно дру-

гие задачи. Наше военно-политическое руководство исходит из, мягко говоря, неочевидной идеи, что теперь России предстоят лишь локальные войны. Хотя нет даже критериев этой локальности и понимания того, что одна и та же война может быть для одной стороны локальной, а для другой — очень даже крупномасштабной. Не вполне очевидна и истовая вера в эффективность ядерного сдерживания, которое якобы гарантирует нас от крупномасштабной войны. Ведь мы сдерживаем те страны или блоки, которые обладают примерно такими же, как у нас, ядерными арсеналами при гораздо больших размерах населения и неизмеримо более эффективной экономике.

Надо уже понять, что производство новой техники в микроскопических количествах бессмысленно как с военной, так и с экономической точки зрения (чем меньше серия, тем дороже образец и тем болезненнее его потеря). Техника нам нужна не для парадов и не для продажи неким очень богатым импортерам, а для обороны своей страны. Поэтому либо производить ее в значительных количествах, либо не производить вообще. Соответственно в большинстве случаев лучше предпочесть технику подешевле и попроще, чем самую «навороченную», но слишком дорогую и сложную в производстве и эксплуатации. Потому что наземную технику надо закупать, по крайней мере, тысячами единиц, а авиационную — сотнями, а никак не десятками. Тем более это относится к боеприпасам. Да, очень хорошо, если они будут высокоточными, но только в том случае, если их цена будет приемлема, то есть на несколько порядков ниже цены любой потенциальной цели. Если говорить о конкретном

российском подходе к сирийской проблеме, то можно отметить, что на протяжении всей постсоветской истории российская дипломатия неизменно демонстрирует полнейшую неадекватность и абсолютный отрыв от реальности, руководствуясь не интересами страны, а пропагандистскими штампами советского происхождения и регулярно выдавая проекты и концепции, прямо противоречащие национальным интересам. Ситуация с Сирией является уникальным исключением, российская позиция в данном вопросе вполне адекватна, в отличие от позиции Запада. При этом Россия имеет полное право поставлять в Сирию оружие. Потому что, во-первых, Сирия не находится ни под какими санкциями, во-вторых, турки и арабы никак себя не ограничивают в поставках оружия оппозиции, возможно, к ним присоединится и Запад.

При этом надо правильно расставлять приоритеты, то есть не заикливаться на угрозе, вероятность реализации которой низка, а сконцентрироваться на угрозе, которая реализуется прямо сегодня. МиГ-29М, С-300П, «Бук» и «Бастион» — это хорошо, но еще сирийцам нужны «калашниковы», РПГ-7, Т-72, Д-30, БМ-21, Ми-24, а также боеприпасы ко всему этому. У России на складах этого добра почти бесконечно много, поэтому его можно поставлять бесплатно (все равно все это обречено на скорую утилизацию). И чем бессмысленно утилизировать боеприпасы путем подрыва (и иногда ценой солдатских жизней), лучше отдать их Асаду, чтобы его армия утилизировала их в бою. В начале сирийского конфликта поставка таких вооружений, предназначенных для ведения гражданской войны, казалась сомнительной с мо-

ральной точки зрения (тогда еще иногда казалось, что народ восстал против диктатора). Сегодня такие сомнения отпали. Стремительная интернационализация и радикализация (точнее — ваххабизация) оппозиции делает сирийскую войну нашей войной. Всемирный ваххабитский интернационал — наш опаснейший враг, поэтому любой, кто воюет против него, — наш естественный союзник.

Очень долгое время таким союзником нам были американцы, как бы кощунственно это ни прозвучало для нашей «патриотической общественности». В Афганистане и Ираке они нанесли исламским радикалам серьезное поражение. Благодаря двум этим войнам ваххабитское давление на Россию, особенно на Кавказ, заметно снизилось. Но теперь это в прошлом. Из Ирака американцы ушли полтора года назад, из Афганистана уйдут через год, но уже сейчас они быстро сворачивают эту операцию. Теперь на переднем крае борьбы оказался Асад. Чем больше его бойцы убьют ваххабитов, тем нам будет лучше и спокойнее. Надо дать сирийской армии все, что требуется для решения данной задачи, критически важной для безопасности России.

Укрепление ПВО и береговой обороны Сирии, разумеется, полезно в качестве страховочного средства от западно-турецко-арабского вмешательства. Тем не менее это отнюдь не главное. Уничтожение Израилем склада с «Бастионами» ничуть не добавило Западу решимости организовать интервенцию. Гораздо важнее сейчас средства наземной войны. Тем более что они тоже становятся дополнительным страховочным средством. Главное же в том, что ваххабит, убитый под Дамаском, никогда не придет в Махачкалу или Набережные Челны.